

М.А. Дэвлет
Племена бассейна Среднего Енисея в раннем железном веке.

// Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.: АН СССР, 1966. 23 с.
Научный руководитель — канд. ист. наук Н.Я. Мерперт.:
<http://kronk.narod.ru/library/devlet-ma-1966.htm>

Ранний железный век — время освоения металла, который, по выражению Ф. Энгельса, был последний и важнейшим «из всех видов сырья, сыгравших революционную роль в истории». На Среднем Енисее период становления железного века совпадает со второй стадией тагарской культуры, представленной многочисленными курганами, поселениями, наскальными рисунками и случайными находками.

Накопленные к настоящему времени богатейшие собрания минусинских древностей, а также разработанная советскими учёными их классификация позволяют подойти к изучению тагарской культуры в различных аспектах, одним из которых является изучение её локальных вариантов. Основной задачей настоящей работы является выявление местных особенностей материальной культуры тагарского населения на Среднем Енисее. Обращаясь к истории тагарских племён, мы ставили целью показать, что тагарская культура, во всяком случае, со второй её стадии является культурой не бронзового, а раннего железного века. Автор стремился осветить также некоторые вопросы экономики и общественного строя тагарских племён.

Работа базируется на коллекциях, хранящихся в 18 советских и зарубежных музеях: Государственном Эрмитаже, Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого АН СССР, Государственном Историческом музее, Музее Антропологии МГУ, краеведческих музеях: Минусинском, Красноярском, Хакасском, Тувинском, Ачинском, Иркутском, Канском, Кемеровском, Ярославском, Ставропольском, Киевском, Томском краеведческом и в музее истории материальной культуры ТГУ, а также в Национальном музее г. Хельсинки.

(2/3)

В работе автором привлечены известные по публикациям тагарские древности из собраний зарубежных музеев, использованы литературные источники и архивные материалы Института археологии АН СССР и его Ленинградского отделения, Музея этнографии народов СССР, архива Октябрьской революции, Минусинского, Абаканского, Ачинского и Красноярского краеведческих музеев. В работе учтены, преимущественно при картографировании и статистических подсчетах, новые неопубликованные материалы Красноярской археологической экспедиции, с которыми автора любезно ознакомили А.Д. Грач, М.П. Грязнов, М.П. Завитухина, Л.П. Зяблин, Г.А. Максименков, Н.Н. Пшеницына, Я.А. Шер.

Имеющийся в распоряжении автора материал позволяет надеяться на достаточно полный объём информации.

Основными методами анализа были сравнительно-типологический метод, а также картографирование материалов из раскопок и случайных находок.

Диссертация состоит из введения и четырёх глав:

- I. История исследования.
- II. Ранний железный век на Енисее. Вопросы хронологии.
- III. Локальные варианты тагарской культуры.
- IV. Некоторые вопросы истории тагарских племён.

В приложении даётся список литературы и альбом с иллюстративным материалом.

^ **Глава I** посвящена истории археологического изучения тагарской культуры.

Интерес к археологическим памятникам бассейна Среднего
(3/4)

Енисей, известным главным образом по курганам тагарской культуры, проявился уже в первые десятилетия после присоединения Сибири к России. Главная заслуга в деле изучения Сибири в XVIII в., в том числе в накоплении археологических знаний, принадлежит Российской Академии наук, силами которой был осуществлён целый ряд экспедиций. Работы академиков Г.-Ф. Миллера и И.-Г. Гмелина расширили знания об археологических памятниках Южной Сибири, взгляды их на последовательность развития материальной культуры (каменный, бронзовый, железный век) предвосхитили основные черты современной археологической классификации. Однако они, как и их последователи в XVIII и XIX вв., ещё не выделяли тагарские памятники в отдельную группу, относя всю великолепную художественную минусинскую бронзу к бронзовому веку.

В начале XIX в. в связи с развитием античной и славяно-русской археологии исследование сибирских древностей в России теряет своё ведущее значение. Всё же в этот период археологические знания о них были пополнены и расширены.

Вторая половина XIX в. — время подъёма интереса к археологическим исследованиям со стороны местных краеведов-любителей, когда наметился переход от простого коллекционирования к выявлению археологических памятников и их изучению. Центром, который древности собрал и сохранил, явился первый местный общественный музей Южной Сибири — Минусинский, основанный в 1877 г. и сплотивший вокруг себя представителей местной сибирской интеллигенции и политических ссыльных. Широкие по тому времени раскопки курганов производили

(4/5)

А.В. Адрианов, Д.А. Клеменц, В.В. Радлов, И.П. Кузнецов, И.Т. Савенков. Им же принадлежат попытки классификации минусинских древностей, часто пронизанные идеями эволюционизма.

В начале XX в. интерес к изучению минусинских древностей падает, усиливается кладоискательство, а накопленные обширные коллекции лежат мёртвым грузом.

После Октябрьской революции начался новый период в археологическом изучении Южной Сибири, характеризующийся плодотворными работами по накоплению и систематизации археологических источников, разработкой классификаций археологических культур, в ряду которых заняла своё место культура раннего железного века.

В 20-х гг. С.А. Теплоухов установил чёткую последовательность смены культурно-исторических эпох на территории Хакасско-Минусинской котловины на основании изменений в устройстве курганов. Впервые выделенная им минусинская курганная культура была разделена на четыре последовательно хронологических этапа по данным различий в

размерах курганной насыпи и изменению конструкции ограды. Позднее С.В. Киселёв назвал эту культуру тагарской по месту первых и наиболее значительных раскопок. На основе исследования погребальных комплексов С.В. Киселёв создал новую классификацию памятников раннего железного века, разделив всю тагарскую культуру на три стадии (1929 г.).

Предвоенные годы характеризуются систематическими полевыми исследованиями, а также первыми попытками выявить внутренние причины изменений в хозяйстве, культуре и социальном

(5/6)

строе древних народов на основе общих закономерностей развития человеческого общества (В.Г. Карцов, С.В. Киселёв, В.П. Левашева, М.П. Грязнов).

В послевоенные годы выход в свет монографии С.В. Киселёва «Древняя история Южной Сибири» (1949 г.) положил начало изучению тагарской культуры в историческом аспекте. В этой сводном труде, обобщившем все предшествующие археологические исследования и охватывающем огромный хронологический период, С.В. Киселёв наибольшее внимание уделил древней истории тагарского населения.

Дальнейшие исследования шли по линии разработки отдельных вопросов и проблем, связанных с тагарской культурой. Периодизацию С.В. Киселёва для конца тагарской культуры развил и дополнил Л.Р. Кызласов в монографии «Таштыкская эпоха в развитии Хакасско-Минусинской котловины» (1960 г.), где он предложил различать собственно тагарские памятники (VII-III вв. до н.э.) и памятники переходного тагарско-таштыкского этапа (II-I вв. до н.э.). Вопрос о местных особенностях в погребениях тагарской культуры поставила В.П. Левашева. Своеобразные черты лесостепного района в тагарскую эпоху выявляли в своих работах Г.А. Максименков и Р.В. Николаев. Основные отрасли тагарского хозяйства всесторонне осветил Ю.С. Гришин (1960 г.). Вопросы происхождения тагарской культуры и ранней истории её носителей рассматривала в диссертации и ряде статей Н.Л. Членова. Полевые исследования татарских курганов производил А.Н. Липский.

Новую страницу в истории археологического изучения

(6/7)

бассейна Среднего Енисея открывают широкие и планомерные работы Красноярской археологической экспедиции под руководством М.П. Грязнова. Раскопки тагарских памятников производили А.Д. Грач, М.П. Грязнов, М.П. Завитухина, Л.П. Зяблин, Г.А. Максименков, М.Н. Пшеницына, Я.А. Шер. Исследователя уже приступили к публикации и обобщению нового материала.

^ Во **второй главе** диссертации автор определяет хронологические рамки исследования, уточняет время появления железа в Хакасско-Минусинской котловине, период его борьбы с бронзой, а также момент полной победы металлургии железа. В этой главе ставятся вопросы абсолютной и относительной хронологии тагарской культуры.

Вопрос о времени освоения металлургии железа на Среднем Енисее является дискуссионным. Положение С.В. Киселёва, которое разделяет Л.Р. Кызласов, В.П. Левашева, Ю.С. Гришин и автор настоящей работы, о том, что железо, выдержав упорную борьбу с бронзой, с начала второй стадии тагарской культуры медленно, но неуклонно вступало в свои права, в настоящее время оспаривается Н.Л. Членовой. Констатируя факт, что в Минусинской котловине имеется ряд железных предметов тагарского времени, известных из случайных

находок, Н.Л. Членова отмечает, что, судя по форме и технике изготовления, они, скорее всего импортные. Таштыкцы победили тагарцев, по её мнению, потому что владели железом, прежде всего железным оружием. Представлению Н.Л. Членовой об импортном характере железных вещей тагарского времени и о значительном отставании Хакасско-Минусинской котловины в деле освоения железа

(7/8)

противоречит ряд фактов.

О постепенной распространении металлургии железа в местной тагарской среде, о длительном его сосуществовании и борьбе с бронзой свидетельствует обилие предметов тагарского времени, изготовленных из двух металлов. Наиболее многочисленны биметаллические кинжалы, в том числе экземпляры у которых клинок бронзовый, а рукоять железная, клинок железный, а рукоять бронзовая и железные с перекрестьем, покрытым тонким бронзовым листком. Известны биметаллические ножи обычных тагарских форм: однопетельные и кольчатые, у которых ручки бронзовые, а клинки железные, что, по всей вероятности, было вызвано экономией ценного светлого металла. Как известно, именно оружие наиболее чутко реагирует на все технические нововведения, поэтому создание биметаллических ножей представляется возможным отнести к более позднему времени, чем изготовление оружия. Типологический анализ вещей подводит автора к выводу, что формы биметаллического оружия и орудия труда, во всяком случае, в подавляющем большинстве не заносились извне, а развивались на местной почве.

Обратившись к рассмотрению серий железного оружия и орудий труда, мы прослеживаем преемственность форм от соответствующих бронзовых и тем самым устанавливаем местное происхождение этих серий. Сравнительно небольшое количество железных вещей татарского времени находит объяснение, если принять во внимание условия их поступления в музеи. Автору представляется очевидным, что количество бронзовых и железных предметов в музейных коллекциях не соответствует их рядовому соотношению в татарском обществе.

Среди железных кинжалов, повторяющих форму бронзовых, прежде всего, следует отметить кинжалы с навершием в виде голов животных, обращённых друг к другу клювами, так называемые «грифоновые», о дате которых (V в. до н.э.) можно судить по многочисленным аналогиям в скифском и савроматском мире; а также на Алтае. Известны железные кинжалы, копирующие бронзовые образцы с кольчатым и овально-кольчатым навершием и прямым перекрестием, кинжалы аналогичные вышеуказанным, но имеющие прорезную рукоять, кинжалы с антенновидными навершиями и др. Рассмотрение серий однотипных бронзовых и железных кинжалов наводит на мысль, что чем значительнее относительное преобладание железных образцов над аналогичными бронзовыми, тем они моложе. Наряду с предметами вооружения имеются железные ножи, по форме повторяющие бронзовые.

Если первоначально железные изделия копируют бронзовые образцы, то впоследствии вырабатываются специфические формы, свойственные только железным предметам. Это железные мечи, кинжалы, аналогичные сарматским, чеканы, черешковые ножи и возможно петельные, железные топоры, сходные с современными.

(8/9)

В тагарских погребальных комплексах железные вещи, как правило, отсутствуют вплоть до тагаро-таштыкского переходного этапа, но всё же известно несколько находок железных

предметов в тагарских комплексах второй стадии. Прежде всего, следует отметить находку железного вкладышевого ножа в комплексе V в. до н.э. (Думная гора, курган № 1, раск. А.В. Адрианова). Железный нож, надо полагать, изготовлен местными мастерами, ибо только на Среднем Енисее известны [. . .] вкладышевой формы. Этот курган отличался от соседних большими размерами, так и богатством инвентаря, а также — меньшим числом погребённых. Очевидно, здесь были похоронены более привилегированные члены тагарского общества, один из которых обладал таким ценным по тем временам предметом, как нож из железа.

Косвенным доказательством существования у тагарцев железных мечей служат наскальные изображения.

Всё сказанное позволяет заключить, что, появившись на Среднем Енисее не позднее V в. до н.э. и выдерживая длительную борьбу с бронзой, железо окончательно вытесняет её на 3-й стадии, то есть на тагаро-таштыкском переходном этапе. В это время уже как оружие, так и орудия труда делается из железа.

При определении абсолютной хронологии археологических комплексов раннего железного века обычно за основу берут эволюцию оружия, которое наиболее подвержено изменениям и быстрее других категорий вещей реагирует на технические нововведения. В скифо-сарматскую эпоху оружие сходных форм распространяется на огромной территории, что облегчает задачи хронологического определения памятников, его содержащих. Поэтому для первой стадии тагарской культуры, когда в погребениях встречаются в довольно значительном количестве стрелы, кинжалы и чеканы, определение абсолютной хронологии

(9/10)

памятников не вызывает серьёзных затруднений. В курганах второй стадии тагарской культуры оружие, за исключением чеканов уменьшенных размеров и миниатюрных, встречается крайне редко. Поэтому в настоящее время мы должны удовлетвориться лишь датировкой памятников в пределах определённого промежутка времени (стадии, по С.В. Киселёву; этапа, по М.П. Грязнову). Согласно периодизации С.В. Киселёва, уточнённой Л.Р. Кызласовым, вторая стадия тагарской культуры датируется V-III вв. до н.э., что соответствует сарагашенскому этапу периодизации М.П. Грязнова. Дата третьей переходной стадии (по С.В. Киселёву), или тагаро-таштыкского переходного этапа (по Л.Р. Кызласову) — II — первая половина I в. до н.э. М.П. Грязнов датирует тесинский этап III-II вв. до н.э.

^ **Глава III** посвящена рассмотрению локальных особенностей тагарской культуры. Основным источником для этой части работы послужила посуда, представляющая массовый материал из раскопок курганов и металлические изделия, происходящие в подавляющем большинстве из случайных находок.

Керамика в пределах Хакасско-Минусинской котловины отличается устойчивостью типов сосудов, выдержанностью и правильностью форм, которые, значительно богаче и разнообразнее в начале и в конце эпохи, чем в период «классического тагара». Автором учтено около 700 тагарских сосудов. Однако картографирование форм глиняной посуды не даёт четкой картины локализации, исключение составляет керамика из района современного г. Красноярска, которая значительно отличается от остальной тагарской посуды. Гораздо важнее для выделения

(10/11)

локальных вариантов орнаментальные мотивы тагарской посуды. Впервые местные отличия в тагарской керамике отметил М.П. Грязнов в 1950-х гг. в неопубликованной, но хорошо известной археологам-сибироведам работе «Минусинская курганная культура».

Картографирование орнаментов на тагарской керамике показывает, что помимо лесостепной красноярской группы, которая была описана С.В. Киселёвым и Г.А. Максименковым, рассматриваемая территория чётко разделяется на два локальных района, к востоку и западу от Енисея.

На левом берегу Енисея господствующим мотивом орнаментики сосудов являются желобки, иногда сочетающиеся с косыми насечками или зубчатым штампом. На посуде правобережья преобладает бугорчатый орнамент, причём ряды бугорков значительно, чаще, чем желобки, сочетаются с другими орнаментальными мотивами, по большей части с зубчатым штампом. Иногда сосуды, украшенные желобками, встречаются на правом берегу Енисея, значительно реже бугорчатый орнамент бывает на посуде с левобережья.

Распространение сосудов с бугорчатым и желобчатым орнаментами на разных территориях характерно не только для раннетагарского времени. В связи с обеднением орнамента на второй стадии картина становится менее выразительной, в тех же случаях, когда позднеатагарская посуда украшена, то опять-таки сосуды с бугорками бытуют на правобережье, а с желобками на левом берегу Енисея, то есть на той же территории, что и в начале эпохи. В Койбальской степи, в междуречье Абакана и Енисея, посуда часто украшена зубчатым штампом.

(11/12)

К сожалению, автору не удалось проследить целостные отличительные черты в погребальных конструкциях и обряде на какой-то значительной территории. Курганы каждого могильного поля, как правило, имеют свои конструктивные и обрядовые особенности.

Далее автор останавливается на анализе результатов картографирования многих серий металлических предметов. В первую очередь рассматривается наиболее массовый материал из раскопок и случайных находок — бронзовые ножи, причём здесь наибольшее внимание уделяется сложным, своеобразным формам, требовавшим для изготовления большого опыта, специализации и умения, для которых возможно предполагать ограниченный ареал. Затем рассматриваются оружие, некоторые элементы конского убора, орудия труда, украшения.

Согласно подсчётам Ю.С. Гришина, на левобережье Енисея найдено 350 тагарских бронзовых ножей, тогда как на правом берегу 662, то есть почти вдвое больше. Такое соотношение объясняется, очевидно, не столько различной степенью заселённости территории к востоку и западу от Енисея в древности, сколько тем обстоятельством, что сфера деятельности Минусинского музея, центра сосредоточения коллекций из случайных находок, распространялась естественно в основном на правый берег, где находился музей. Поэтому, принимая во внимание подсчеты Ю.С. Гришина, мы говорим о преимущественном распространении той или иной категории вещей для правобережья в том случае, если число находок в несколько раз превышает количество предметов с левого берега, а для лево-

(12/13)

бережья в том случае, если их преобладание, хотя бы значительно.

Результаты картографирования серий металлических изделий подтверждает вывод, сделанный на основании анализа орнаментальных мотивов тагарской посуды, о своеобразии в материальной культуре татарского населения правобережья и левобережья Енисея.

На правом берегу преобладают ножи с навершием в виде головы волка или лошади; с навершием в виде дуги, на концах которой помещены две головы животных; двупетельные и трёхпетельные ножи; с навершием в виде овального или подчетырёхугольного кольца, вытянутого кверху; ножи пластинчатые прямые, редко коленчатые с навершием в форме «сердца» или «почки».

Приблизительно равномерно к востоку и западу от Енисея встречаются вкладышевые ножи, ножи с навершием в виде фигуры стоящего кабана, валютовые, с навершием в виде двух голов хищных птиц, ножи с растительным орнаментом на ручке, ножи с кольчатым навершием и ажурной рукоятью.

На левом берегу преимущественно распространены ножи с выпуклым кольцом, вделанным в ручку и их варианты; ножи с навершием в виде головы хищной птицы; ножи пластинчатые с ручкой, расширяющейся кверху и заканчивающейся дугой, диаметр которой меньше, чем длина верхнего края ручки.

В основном к южным районам тяготеют ножи с навершием в виде кольца, внутри которого помещается фигурка горного козла, в виде головы горного козла и вкладышевые ножи с

(13/14)

кольцом на конце вкладыша.

Во второй половине татарской эпохи сделанные из бронзы в железа грифоновые кинжалы, а также железные дисковые распространены на правой берегу. На северо-западе левобережья встречаются железные кинжалы с серповидным навершием, сарматского типа. Рубчатообушные бронзовые чеканы распространены преимущественно к востоку от Енисея. Предметы конского снаряжения, насколько мы можем судить по имеющимся у нас материалам, более характерны для левого берега. Долота с клиновидной рабочей частью решительно преобладают на правобережье Енисея. К южным районам тяготеют находки подвесок в виде фигурки горного козла, заключённого в кольцо. Ажурные бляхи господствуют к западу от Енисея, особенно в междуречье Урюпа и Чулыма.

Анализ материала подводит к выводу, что помимо уже выделенного ранее лесостепного района Красноярского края в бассейне Среднего Енисея в пределах Хакасско-Минусинской котловины существуют в раннем железном веке две локальные группы, сложившиеся ещё в поздней бронзе, — правобережная и левобережная. К западу от Енисея намечаются некоторые отличия между Койбальской степью и более северными районами. Предлагаемое автором выделение двух групп отражено на иллюстрирующих работу картах.

Различия между северным лесостепным районом и территориями к востоку и западу от Енисея в пределах Хакасско-Минусинской котловины не равнозначны. Если на севере они возникли в результате взаимодействия местной культуры бронзового

(14/15)

века и пришлой тагарской, то на юге это различия в пределах единой тагарской культуры, которые сложились в условиях постоянных контактов между людьми внутри рассматриваемых территорий. Поэтому различия в материальной культуре тагарских племен к востоку и западу от Енисея прослеживаются значительно слабее, чем между северным лесостепным районом и Хакасско-Минусинской котловиной. Приходится скорее удивляться общности в материальной культуре тагарских племён этих областей, разделённых таким мощным барьером, как Енисей, чем тем различиям, которые нам удалось проследить.

Перед исследователем вполне закономерно встает вопрос о соотношении выделенных методом археологического картографирования локальных вариантов татарской культуры Хакасско-Минусинской котловины и антропологических материалов. Однако попытка связать данные археологии и антропологии, касающиеся местных отличий в тагарскую эпоху, наталкивается на неразработанность вопроса о локализации типов внутри татарского населения.

У антропологов не вызывает сомнений отнесение черепов из тагарских курганов к большой европеоидной расе, хотя некоторая монголоидная примесь прослеживается, начиная с первой стадии тагарской культуры.

Г.Ф. Дебец на основании анализа кривых распределения вариантов и разделения материала по могильникам пришёл к выводу о наличии в европеоидном тагарском населении двух типов, различающихся диаметром черепной коробки и, в частности, головным указателем, но не различающихся размерами.

(15/16)

Долихокранные европеоидные черепа тагарцев сближаются по ряду признаков, как с афанасьевскими, так и с андроновскими черепами. Среди черепов тагарцев в меньшем числе встречаются европеоидные брахикранные. В.П. Алексеев высказал предположение, что брахикранный европеоидный тип в составе тагарского населения преемственно связан с карасукской эпохой. Анализ археологического материала, произведенный автором, подтверждает эту мысль.

Европеоидные брахикранные тагарские черепа Г.Ф. Дебец локализовал в районе села Сыда, расположенного на реке того же названия, правой притоке Енисея. Изучение материалов из могильников, расположенных в районе р. Сыды, полученных Красноярской археологической экспедицией, проводившей широкие полевые исследования в этой местности, наряду с коллекциями из прежних раскопок, подводит автора к выводу о длительном сохранении древней, карасукской керамической традиции в тагарское время в бассейне р. Сыда.

К югу от р. Сыды в могильнике II стадии тагарской культуры Туран II были найдены два круглодонных сосуда, один целый, другой в обломках. Целый сосуд, по форме типично карасукский, четко профилированный, реповидный, с прямой шейкой и уступом над изгибом тулова, лощеный, неорнаментированный. Сосуды по форме настолько неотличимы от карасукских, что их первоначально сочли за «антикварные» предметы, подобные тем, которые иногда встречаются в могилах Среднего Енисея, т.е. предполагалось, что эти изделия карасукских мастеров нашли на песчаных выдувах, в разрушенных могилах или где-нибудь ещё

(16/17)

жители тагарского посёлка, хоронившие своих сородичей у подножья горы Туран, и положили в качестве погребального инвентаря в одну из могил. Однако рассмотрение керамического теста, из которого изготовлена круглодонная посуда, не позволяет относить её к карасукской эпохе. Карасукская посуда тонкостенная, лёгкая, звонкая, формовалась из прекрасно отмученной глины, которая после обжига становилась двухцветной — снаружи коричнево-серой, внутри тёмной с синеватым отливом. Сосуд из погребения второй стадии тагарской культуры у горы Туран явно не карасукского производства, он толстостенен, тяжёл, сформован из грубой глины тёмно-коричневого цвета. Надо полагать, что он изготовлен в

тагарское время, хотя и воспроизводит архаические формы. На II стадии татарской культуры известно, кроме туранских, ещё три круглодонных сосуда, все они также происходят с правого берега Енисея.

Если в могильнике Туран II мы сталкиваемся с длительным переживанием карасукских традиций в форме посуды, то в соседних могильниках Туран I, Сыда под горой Бычихой, Усть-Сыда, Каменка встречаемся с сохранившимися элементами карасукского орнамента. Так, в могильнике Туран I тулово сосуда сферической формы, на низком поддоне, украшено перекрывающимися друг друга орнаментальными лентами, состоящими из 8-9 рядов тонких желобков. Орнамент очень близок заштрихованным треугольникам на бадейкообразном карасукском сосуде из Каменки. Сходство дополняет наличие двух рядов горизонтальных желобков в верхней части сосуда. Интересно отметить,

(17/18)

что бадейкообразный карасукский сосуд из Каменки, как и другие сосуды этой формы, имеет ушко для подвешивания. У рассматриваемого сосуда из могильника Туран I также имеется ручка-ушко, Ямочный орнамент, вовсе не характерный для тагарской посуды и столь типичный для карасукской, украшал вдоль бортика баночный сосуд, найденный около с. Сыда под горой Бычихой, в районе бассейна р. Сыды встречается также орнамент в виде ряда ямок у бортика, который сочетается с другими видами орнамента. Так, в тагарском кургане могильника Усть-Сыда найдены обломки баночного сосуда, украшенного по краю пояском из ряда ямок, ниже которого три горизонтальные линии веревочного орнамента, а ещё ниже 2 ряда треугольных вдавлений. Два сосуда известны из могильника Каменка I. Один украшен рядом ямок, за которым следуют пять рядов верёвочного штампа и ряд косоугольных коротких фестонов, другой орнаментирован рядом ямок, затем шестью рядами горизонтальных линий мелкозубчатого штампа и одной ломаной, которая образует опущенные вниз острые углы, завершающиеся угловыми вдавлениями.

Из более отдалённых могильников, в керамике которых прослеживаются некоторые архаические черты, можно отметить Бузуново в междуречье Сыды и Тубы и Усть-Тесь в междуречье Сыды и Енисея. В могильнике Усть-Тесь найдена круглодонная плошка, а в могильнике Бузуново сосуд, отдаленно напоминающий карасукские бадейкообразные.

Бронзовые предметы наиболее подвержены изменениям, поэтому мало оснований надеяться на сохранение карасукских

(18/19)

типов вещей в тагарское время, всё же в тагарских курганах этого района встречаются ножи из бронзы, сопоставимые с карасукскими.

Автор диссертации приходит к выводу, что на территориях, прилегающих к бассейну р. Сыды, в форме и орнаментике керамики, а отчасти и в изделиях из бронзы, прослеживается длительное переживание древних карасукских традиций как на первой, так и на второй стадии татарской культуры. Следовательно, как будто удаётся установить, что в районе Сыды в тагарское время продолжали жить потомки карасукского населения — брахикранные европеиды, в течение веков соблюдавшие свои керамические традиции и сохранившие в своих изделиях карасукские типы бронзовых ножей.

^ В главе IV рассматриваются некоторые вопросы истории тагарских племён.

Освоение железа привело к серьёзным хозяйственным изменениям, начавшимся в тагарском обществе, именно в эту эпоху были созданы предпосылки для ускоренного развития древнего производства.

О скотоводстве, являвшемся основой хозяйства древних жителей бассейна Среднего Енисея, исследователя судили по статистике костей домашних животных из погребений. В курганах тагарской эпохи встречается только кости коров, овец, лошадей. Между тем наскальные изображения свидетельствуют, что состав стада был значительно разнообразнее.

О тагарском земледелии свидетельствуют многочисленные находки серпов, а также находка жернова вращавшейся ручной

(19/20)

мельницы, заложенного в стену погребальной конструкции Большого Салбыкского кургана.

Имеются некоторые данные об охоте и рыбной ловле в тагарскую эпоху.

Разница в хозяйственной деятельности тагарских племён, обитавших на обоих берегах Енисея, по-видимому, заключалась в том, что к востоку от Енисея удельный вес земледелия был больше, чем к западу, где преобладало скотоводство. Земледелие было довольно развито также в юго-западной части края. Эта мысль, высказывавшаяся ранее рядом исследователей (В.П. Левашова, С.В. Киселёв, Ю.С. Гришин), получила новое подтверждение на наших материалах.

Некоторые выводы в отношении образа жизни позднеагарских племён можно сделать благодаря наличию на тагарских писаницах изображений оленьих стад, которые требуют сезонных перекочёвок, и рисунков зимних и летних жилищ, свойственных народам, ведущим отгонное или полукочевое хозяйство. Об отгонном скотоводстве у тагарцев можно судить и по некоторым особенностям погребального обряда.

Данные, полученные в результате раскопок Большого Салбыкского кургана, позволяют лучше осветить вопросы социальной дифференциации, социальную структуру тагарского общества. Представляется вполне закономерным тот факт, что Салбыкская курганная группа находится на левобережье Енисея. Сосредоточение у отдельных родов, семей и лиц большого количества скота нарушало первобытное равенство.

Интересная и своеобразная тагарская культура изучена далеко

(20/21)

ещё не во всех аспектах. Накопление новых материалов и в особенности возможные находки и исследования тагарских поселений позволят составить более полное представление о жизни племён бассейна Среднего Енисея в раннем железном веке.

(21/22)

По теме диссертации автором опубликованы следующие работы:

1. Погребальные сооружения тагарской культуры. Вестник Московского Университета, 1958, № 4, стр. 59-69.

2. К вопросу о тагаро-таштыкских взаимоотношениях. Советская Археология, 1961, № 4, стр. 78-63.

3. Очерк комплектования, изучения и экспонирования археологических коллекций Минусинского музея (1877-1917). Очерки истории музейного дела в СССР, вып. 5, М., 1963, стр. 327-372.

4. Керамика позднеатагарских курганов Красноярского района. Советская Археология, 1964, № 2, стр. 205-210.

5. Большая Боярская писаница. Советская Археология, 1965, № 3, стр. 124-142.

6. Археологические коллекции из Минусинской котловины в Гос. Национальном музее в г. Хельсинки. В сб. «По зарубежным музеям», М., 1965, стр. 98-103.

7. О культурных связях атагарских племён. В сб. «Новое в советской археологии», М., 1965, стр. 240-242.

8. О скотоводстве на Среднем Енисее в древности. Учёные записки Хак. НИИЯЛИ, вып. XI, Абакан, 1965, стр. 167-173.

9. Бронзовые бляшки в форме сложного лука из Хакасско-Минусинской котловины. Краткие сообщения Института археологии, вып. 107, М., 1966, стр. 70-74.

(22/23)

Сданы в печать:

10. Керамика атагарской культуры. Новосибирск. 1 печ. л.

11. Из истории освоения металлургии железа на Среднем Енисее. Советская Археология. 1 печ. л.

12. О брахикранном компоненте в составе населения атагарской культуры. 0,5 печ. л.